

УДК 930:398(470)''18''(045)

*М.С. Путилин***РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ КОНТАМИНАЦИИ ЖАНРОВ В ФОРМИРОВАНИИ СЮЖЕТА
О ЦАРЕ-СТАРЦЕ**

Легенда о царе-старце Федоре Кузьмиче является знаковым явлением сибирской ментальности, а также одним из символов русского православия. Рассмотрение этапов формирования сюжета в историческом контексте позволит точнее определить его основные элементы и их соотношение. Главным материалом, рассматриваемым в работе, являются сочинения С. Ф. Хромова, отразившие сюжет о царе-старце в последний период его актуализации. Для проведения сравнительного и текстологического анализа фольклорных мотивов в сюжете о царе-старце в сопоставлении с мотивами родственных ему житийных и художественных произведений привлечены примеры источников, отразивших типологически родственные сюжеты. В результате проведенного исследования периоды актуализации легенды о царе-старце соотнесены с последовательностью контаминации элементов сюжета, что отражено в авторской таблице. Эта схема обоснована историческими событиями, оказавшими влияние на и потребности населения в фольклорных сюжетах и героях, что повлияло на процессы изменений, произошедших в легенде как в явлении народных представлений. Исследование позволяет с уверенностью утверждать, что контаминация «избавительских» и житийных элементов сюжета о царе-старце произошла по законам фольклорного предания и связана с деятельностью томского кружка почитателей Федора Кузьмича.

Ключевые слова: народные представления, модернизационный переход, «Великие реформы» 1860-х гг., история ментальностей, социально-утопические легенды, фольклористика.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-5-1150-1156

Изучение истории региональной идентичности актуально в связи с поворотом исторической науки к проблемам «малой истории» на местах, ранее не считавшимся представляющими научный интерес. Кроме того, изучение народных представлений является одним из примеров успешного применения исторических исследований для выработки перспективной стратегии развития различных отраслей взаимодействия государства и гражданского общества, начиная с эффективного диалога власти и общества на местах, заканчивая развитием индустрии туризма в регионах. Сюжет о царе-старце Александре I под именем Федора Кузьмича является знаковым для томской, и, шире, сибирской идентичности российского православия. Возникнув во второй половине XIX века, он прошел три периода актуализации. В это время его содержание изменялось, пока не приобрело окончательный вид, в котором сюжет о царе-старце стал явлением не только народных представлений, но и русской литературы Серебряного Века. Актуализация и формирование этого сюжета пришлось на период начала интенсивных процессов модернизации в России, связанных с реформами императора Александра II. В связи с этим сюжет о царе-старце сочетает в себе эклектичные, на первый взгляд, элементы социально-утопической легенды о «возвращающемся избавителе» и жития святого старце-подвижнике. Целью данной статьи является выявление механизма контаминации сюжета о царе-старце с помощью фольклорных элементов, обоснование их значения и функций в связи с потребностями народной ментальности переходного периода. Для достижения цели привлечены методологические принципы истории ментальностей и конструктивизма. В статье произведена попытка объективной оценки вклада томского кружка почитателей Федора Кузьмича в формирование сюжета о царе-старце.

Материалы исследования представлены источниками, принадлежащими к трем основным группам. Первой из них являются сочинения томского купца С. Ф. Хромова [15], на заимке у которого провел свои последние годы старец. Написанные непосредственно Хромовым или при его активном участии, эти сочинения, имеющие форму воспоминаний о святом старце, отразили последний период актуализации сюжета о царе-старце в Томске.

Методологическая основа исследования представлена таким разделом исторической антропологии как «история ментальностей», отличительной чертой которой является широкое применение междисциплинарного подхода, взаимодействие со смежными с исторической наукой дисциплинами. Предание томского кружка почитателей старца Фёдора Кузьмича, является устойчивым комплексом фольклорных элементов и символов, к которому применим термин «ментальность», понимаемый как сфере коллективных представлений различных исторически существовавших социальных групп.

Концепция «истории ментальностей» является теоретической основой для текстологического и сравнительного анализа фольклорных мотивов сюжета о царе-старце с типологически близкими фрагментами в житийных и художественных источниках конца XIX – начала XX в. В качестве этих источников привлечены жития ближайших по хронологии к Федору Кузьмичу святых оптинских старцев, схиигумена Антония [4] и святого Амвросия [11]. Кроме того, использовано сочинение писателя Серебряного века И. А. Бунина [2] в качестве выразительного примера использования родственных мотивов сюжета о царе-старце фольклорных легенд в литературе.

Историография сюжета о царе-старце рассматривает его, как правило, в аспекте связи с «избавительскими» легендами, либо с житийной литературой. Изучение фольклорных элементов, вошедших в легенду о царе-старце в результате деятельности томского кружка читателей Фёдора Кузьмича, имеет менее объёмную историографию.

Мы будем опираться на теоретические труды по фольклористике. В ключевой работе В. Я. Проппа «Морфология сказки» сформулирована модель анализа изучения сюжетов сказок и легенд для выявления их архаических и социальных смыслов [13]. Помимо составления этой модели, В. Я. Пропп сделал важное наблюдение о тяготении сказочных сюжетов к контаминации. Это явление представляет собой слияние родственных по набору отдельных элементов сказочных сюжетов в единое, часто эклектичное произведение. Ценность для нашего исследования представляет также замечание автора об «обращении обряда» в фольклоре, отмеченное в другом труде. Это явление предполагает, что «Сюжет соответствует действительности по противоположности» [12, с. 23]. На основе трудов В. Я. Проппа современные исследователи составили тематические работы об отдельных явлениях внутри фольклорных сюжетов. Для нашей работы особый интерес представляет статья Д. В. Дьякова [3, с. 63–70], посвященная контаминации отдельных элементов репрезентации и целых типовых сюжетов фольклорного плана. Д. Л. Мордовцев попытался соотнести поздние (после Лжедмириев Смутного времени) предания о самозванцах с фольклором об известных преступниках более позднего времени, не имеющим отношения к «избавительским» легендам, изымая эти сюжеты из общего ряда легенд об «избавителе» [10]. О. Г. Усенко обосновывает историческими событиями возрастание эсхатологических ожиданий прихода истинного царя [14]. Л. С. Клейн, занимавшийся антиковедением, установил ряд связей фольклорных сюжетов с древними ритуалами, который в качестве теоретической основы применим для анализа фольклора в целом [8]. К ценным в контексте нашего исследования выводам о фольклорных элементах, глубоко соединенных с образом Александра I в народных представлениях, пришел Н. И. Иванов [7]. Среди других исследователей фольклористики и типологически родственных сюжету о царе-старце явлений ментальности, стоит упомянуть Т. В. Зуеву и Б. П. Кирдана [6] а также работы В. В. Чешева [16] и Е. А. Андреевой [1], посвященные ментальности крестьянства и городского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Тем не менее, учитывая имеющиеся научные работы, необходимо комплексное исследование сюжета о царе-старце на всех этапах его актуализации на новой методологической основе.

Сюжет о царе-старце – явление многоплановое, так как в нем объединены элементы разных типов легенд. Н. И. Иванов отметил сочетание фольклорных элементов разной типологической принадлежности в образе Александра I в народных представлениях: «Образ Александра Первого существенно мифологизирован и создан по законам текстов трех типов: легенда (романовская легенда и легенда о святом старце), семейное предание и агиография с чертами фольклора. Границы между романовской легендой и семейным преданием здесь слабо различимы. Контаминация текстов разных жанров с одним персонажем – это выражение вариантности, характеризующей любой фольклорный текст» [7, с. 199]. Сюжет о царе-старце также обнаружил черты контаминации, так как, имея в основе легенду о «возвращающемся избавителе», содержит признаки жития святого старца-спасителя, а также фольклорные элементы, одним из которых и является контаминация.

Другим характерным фольклорным элементом, характеризующим не только сюжет о царе-старце, но и любую из легенд о «возвращающемся избавителе» является отмеченное В. Я. Проппом «обращение обряда» [12, с. 23]. Ученик В. Я. Проппа, Л. С. Клейн, раскрыл содержание этого явления более детально на материале античной мифологии и эпоса. По его мнению, даже самые общие, на первый взгляд, повторяющиеся обороты в эпическом тексте или фольклористике могут относиться к исторически существовавшему ритуалу, в дальнейшем ставшему «... ритуалом, давно выбывшим из обихода, отвергнутым, ставшим скверной альтернативой положенному, освященному религией ритуалу» [8, с. 501]. В легендах об «избавителе» таковым ритуалом является «узнавание» легитимного

наследника. К. В. Чистов в своей работе связывал появление этой характерной черты российских легенд об «избавителе» с процессом утверждения крепостного права в России: «Легенды о “возвращающихся царях (царевичах)-избавителях” и связанное с ними самозванство не отмечаются на русской почве ранее XVII в.» [17, с. 27]. О. Г. Усенко считал этот факт отражением событий Смуты в народных представлениях: «Окончание Смуты лишь ненадолго пригасило массовые эсхатологические ожидания... Кроме того, событиям Смутного времени <...> нашлись аналогии в книжных предсказаниях, согласно которым до пришествия Антихриста будет эпоха “беззаконных царствований”» [14, с. 4]. Таким образом, в народных представлениях каждый герой «избавительской» легенды мыслился новым Михаилом Романовым, что избавит государство от несправедливости. В сюжете о царе-старце есть множество разных случаев «узнавания» императора Александра I в Федоре Кузьмиче. Он невольно «проговаривается», обладает необычайно обширными знаниями о государственных делах, знанием языков, ведет переписку с представителями верховной власти, что приводит людей к выводу о его царственном прошлом. То, что при прямом вопросе старец не отвергает эти предположения, что было бы логично при его скромности, наводит на мысль о том, что догадки верны. Такие указания на личность святого старца для основного сюжета о подвижничестве и чудесах не нужны. Можно сделать вывод о том, что эти элементы являются отголоском отброшенного ритуала «узнавания» нового правителя, подтверждения его происхождения, его избранности для царствования и его права управлять государством.

Н. И. Иванов, рассуждая об исторической основе фольклорных преданий об императоре Александре I, отметил: «В легенде о старце Федоре Кузьмиче народное сознание обращено к исторической основе; подлинен, достоверен ее архетип (прототип). Этим обусловлена и подлинность реализованных в судьбе царя-старца мотивов. Таковыми они воспринимаются, но логика, структура сюжета легенды подчинены поэтике фольклорного мотива» [7, с. 199]. Следовательно, сюжет о царе-старце, начал формироваться как легенда об «избавителе», в которой отразились народные представления о грядущем пришествии избавителя от несправедливостей, широко распространенные вплоть до отмены крепостного права в 1861 году.

Авторы начала XX века, исследовавшие подобные фольклорные предания, утверждают, что они оставались в народной памяти еще в начале XX века. Следует отметить, что эти авторы, как и О. Г. Усенко, разделяют самозванство Лжедмитриев Смутного времени с более поздними легендами об «избавителях». Д. Л. Мордовцев ставил предания о них в один ряд с фольклором об известных преступниках более позднего времени, не имеющими отношения к «избавительским» легендам: «Народ жадно слушал и читал жизнеописание Ваньки Каина... обессмертил его, поставив рядом с Гришкою Отрепьевым, Маринкой безбожницей, Стенькою Разиным и Ивашкой Мазепой» [10, с. 61]. Таким образом, по мнению исследователей фольклорных элементов легенд о «возвращающемся избавителе», предания периода Смуты сами не были основаны на «избавительской» легенде в научном понимании этого явления народных представлений.

Элементы житийного предания в сюжете о царе-старце появились после смерти Фёдора Кузьмича среди томского кружка почитателей, общавшихся со старцем при жизни. Важным источником, позволяющим описать элементы сюжета легенды о царе-старце, служит брошюра «Сказание о жизни и подвигах великого раба божия старца Феодора Кузьмича...», написанная в 1892 году Е. В. Захаровым при участии купца С. Ф. Хромова, на заимке которого подвижник провел последние годы. Хромов не дал прямого указания на собственное знание тайны Фёдора Кузьмича. Святой Феодор Томский охарактеризован как православный подвижник, известный прежде всего своим благочестием и явлениями через него Богом чудесами.

Однако автор поместил в предисловие к брошюре собственные наблюдения о том, что в Томской губернии ходили слухи о происхождении старца из привилегированного сословия. Для пояснения содержания этих слухов, Е. З. Захаров привёл следующий пример: «...сохранилось сказание, что он получил будто бы благословение от покойного митрополита московского Филарета скрыть своё происхождение и принять на себя вид скитающегося пустытника» [5, с. 8]. История с неким испытанием с благословения известного церковного деятеля является элементом не легенды об «избавителе», а жития.

Схожим образом принимали духовное звание после испытаний знаменитые старцы Оптиной пустыни, согласно житиям. Так, будущий оптинский старец Антоний начал своё духовное возвышение со службы у отшельников в Рославльских лесах. После четырёх лет физических и духовных ис-

пытаний отшельники приняли его в свой круг [4, с. 26]. История принятия монашества будущим старцем Амвросием Оптинским отличается лишь тем, что он проходил свои послушнические испытания не в лесах, а непосредственно в Оптиной пустыни. Выдержав испытания послушания, он принял постриг под именем Амвросия [11, с. 33–34]. Появление житийных элементов в сюжете о царе-старце непосредственно связано с деятельностью С. Ф. Хромова и томского кружка почитателей старца, преимущественно зажиточных мещан и купцов средней руки.

Причиной этих явлений в народной ментальности являются процессы модернизационного перехода, связанные с реформами императора Александра II. Согласно замечанию Б. Н. Миронова, с началом реформ и процесса модернизации во второй половине XIX века, в российские города переселились многие выходцы из крестьянства, что привело к новому «окрестьяниванию» формирующегося в начале XX в. рабочего класса [9, с. 334]. Именно тогда крестьянская по происхождению легенда об «избавителе» встретила с популярными в городской среде житийными преданиями, что и породило изменение сюжета о царе-старце.

Затем, предположительно, в 1890-е гг., когда сюжет о царе-старце становится предметом внимания широкой общественности и столичных литераторов, произошла контаминация элементов «избавительской» легенды и житийного предания, отразившая две основные потребности «маленького человека» в условиях модернизационного перехода: в поддержании связи с привычными православными традициями ради спасения души и в том, чтобы иметь личного заступника перед государством и советника в предприятиях, способного привести к личному успеху. Эта контаминация была произведена на основе фольклорных приемов и также связана с деятельностью томского кружка, предания которого С. Ф. Хромов опубликовал в этот период в сочинении под названием «Краткое жизнеописание великаго старца Феодора Козьмича» [15]. Позднее это сочинение во многом послужило материалом для писателей Серебряного века, обращавшихся к этому сюжету.

Следует сказать и о том, что в России начала XX века подобные истории с элементами как фольклористики, так и мистически-религиозных мотивов были представлены не только сюжетом о царе-старце. Классик русской литературы Серебряного века И. А. Бунин описал похожую историю в рассказе «Из записок неизвестного», опубликованном в сборнике «Окаянные дни», вложив это описание в уста некоего монаха в Тамбовском крае: «Рассказал также про святого, основавшего монастырь, и про знаменитого юродивого, погребённого в монастыре. Юродивый... пришёл в монастырь неизвестно откуда, ископал себе поблизости от него, в дремучем ельнике, землянку» [2, с. 188]. Стоит отметить, что юродивый сторонился входить в церковь, подобно старцу Фёдору Кузьмичу, поскольку считал себя недостойным [Там же]. Однако его смерть, как и смерть главного героя сюжета о царе-старце, была отмечена чудом, свидетельствующим о том, что Бог, очевидно, простил его: «А потом пошёл как-то на медведя мужик – и видит: лежит юродивый возле своей хижины, окруженный сугробами, но не на снегу, а на весенней зелёной траве, посреди благовонных цветов...» [Там же]. Данное предание является близким к сюжету о царе-старце по своему содержанию. В нем присутствуют такие элементы, как подвижничество главного героя, сокрытие его прежней личности и ниспосланные Богом чудеса, указывающие на искупление грехов его прежней жизни. Но основа этого предания скорее фольклорная. Отсутствуют в этом сюжете и мотивы из легенд о «возвращающемся избавителе», послужившие основой для сюжета о царе-старце.

Проведенный анализ фольклорных элементов сюжета о царе-старце позволяет с уверенностью утверждать, что они являются третьим источником для элементов его содержания и изменения в процессе периодов актуализации. Очевидно, что фольклорные элементы не столь значимы для сюжета о царе-старце, как «избавительская» легенда, послужившая основой для него, или житийные элементы, благодаря которым эта легенда и ее главный герой стали одним из символов русского православия и русской культуры в целом. Однако фольклорные элементы в этом сюжете имеют и самостоятельное значение, в частности, как показывает пример из творчества И. А. Бунина и других писателей Серебряного Века, именно фольклорные черты позволили сюжету о царе-старце стать явлением русской литературы.

Таким образом, мы смогли выявить три этапа актуализации сюжета о царе-старце. Дополнив эти результаты материалами, полученными благодаря сравнительному анализу сюжета о царе-старце на разных этапах актуализации с типологически родственными ему сюжетами, мы можем с уверенностью утверждать, что в период развития сюжета о царе-старце происходила актуализация не только самого сюжета, но и отдельных его элементов, близких тем социальным группам, в среде которых происходил соответствующий этап его актуализации.

Для большего удобства работы с этими сведениями представим их в виде таблицы.

Схема изменения сюжета о царе-старце в периоды его актуализации

Период актуализации	Связь с социальными группами	Главный источник элементов сюжета	Точка связи с последующим периодом	Вклад в последующие периоды
I период: 1840-е – 1860-е гг.	Крепостное или временно-обязанное крестьянство	Легенды о «возвращающемся избавителе»	«Мессианские» мотивы избавительских легенд	Основа сюжета – уход императора Александра I от власти
II период: 1860-е – 1880-е гг.	Городское население периода активной фазы модернизационного перехода	Житийная литература	Популярность житийных мотивов в народных массах и, как следствие, их распространенность в фольклоре	Житийные мотивы, сформировавшие близкий «маленькому человеку» перед лицом процессов модернизации сюжет
III период: 1880-е – 1900-е гг.	Творческая интеллигенция (богема) Серебряного Века и русской эмиграции	Контаминация при помощи фольклорных элементов	Апогей актуализации сюжета о царе-старце во всероссийских масштабах, утверждение окончательной формы сюжета	Сформированный сюжет о царе-старце как один из символов русского православия и знаковая легенда для региональной идентичности жителей Томской области.

Полученная в результате исследования схема развития сюжета о царе-старце позволяет нам с уверенностью утверждать, что контаминация «избавительских» и житийных элементов сюжета о царе-старце произошла на третьем этапе его актуализации в Томске.

Эта контаминация была произведена по законам фольклорного предания и связана с деятельностью томского кружка почитателей старца Федора Кузьмича, совпавшей по времени с активной фазой процессов модернизационного перехода.

Исследование фольклорных мотивов сюжета о царе-старце позволило установить, что произведенная томским кружком почитателей старца Федора Кузьмича контаминация «избавительских» и житийных элементов сюжета превратила его в знаковое явление сибирской региональной идентичности и русской культуры в целом. Эта контаминация стала выражением последнего этапа формирования сюжета о царе-старце, который менялся на протяжении всех периодов своей актуализации в связи с интересами разных социальных групп во время модернизационного перехода, начало которому положили «Великие реформы» Александра II.

На основании данных исследования нам удалось составить схему развития сюжета о царе-старце как явления народных представлений, которая в перспективе может стать основой для более масштабного и всестороннего исследования этого сюжета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Е. А. Ментальность городского населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск: [б. и.], 2009. 28 с.
2. Бунин И. А. Окаянные дни. М.: Мол. гвардия, 1991. 335 с.
3. Дьяков Д. В. Специфика контаминации и хронологии фольклорного цикла // Вестник Карагандинского университета. Серия Филология. 2020. № 1(97). С. 63–70.
4. Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского, 1795–1865. Козельск. Изд-во Введенской Оптиной пустыни, 1992. 221 [2] с. (Преподобные оптинские старцы).
5. Захаров Е. З. Сказание о жизни и подвигах великого раба божия старца Феодора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год. СПб.: Типография Дома призрения малолетних бедных, 1892. 54 с. илл.
6. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор М.: Флинта : Наука, 2003. 400 с.
7. Иванов Н. Н. Типология фольклорных текстов об императоре Александре I и Наполеоне Бонапарте // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. С. 198–201.

8. *Клейн Л. С.* Расшифрованная «Илиада». СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»», 2014. 576 с.
9. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. Т. 1. 548 с.
10. *Мордовцев Д. Л.* Собрание сочинений. Один из Лже-Константинов. Исторические очерки. СПб.: Типография «В. С. Балашев и Ко», 1901. Т. 19. Ванька Каин. 111 с.
11. Преподобный Амвросий Оптинский: Жизнь и творения / Игумен Андроник (Трубачев). Спасо-Преображен. Валаам. монастырь, 1993. 221, [2] с.: ил.
12. *Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб.: «Питер», 1946 – (#экопocket). 2021. 570 с.
13. *Пропт В. Я.* Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
14. *Усенко О. Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Пособие для учителей истории средней школы. Часть 3. Тверь: Тверской гос. университет, 1997. 92 с.
15. *Хромов С. Ф.* Краткое жизнеописание великаго старца Феодора Козьмича. Из воспоминаний купца Семена Феофановича Хромова / Том. гос. архитектурно-строительный ун-т; под ред. В. П. Бойко; Е. В. Ситникова; авт. предислов. В. П. Бойко. Томск: Изд-во Том. гос. архитектурно-строительного ун-та, 2015. 251 с.
16. *Чешев В. В.* Ментальность русской крестьянской общины: (по «Письмам из деревни» А. Н. Энгельгардта). Том. гос. архит-строит. ун-т. Томск: Издательство ТГАСУ, 2014. 88 с.
17. *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М.: Наука, 1967. 342 с.

Поступила в редакцию 10.05.2023

Путилин Михаил Сергеевич, аспирант факультета исторических и политических наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: mish.put.1997@gmail.com

M.S. Putilin

THE ROLE OF FOLKLORE CONTAMINATION OF GENRES IN THE FORMATION OF THE STORY ABOUT THE STARETS-TSAR

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-5-1150-1156

The legend about the starets-tsar Fyodor Kuzmich is an iconic phenomenon of the Siberian mentality, as well as one of the symbols of Russian orthodoxy. Poets and writers have turned to the image of the Tomsk starets. This story has an extensive historiography. Consideration of the stages of plot formation in the historical context will allow defining its main elements and their correlation more precisely. The main materials considered in the work are the works of S. F. Khromov, which reflected the story of the starets-tsar in the last period of its actualization. For comparative and textological analysis of folklore motifs in the story of the starets-tsar in comparison with the motifs of related hagiographies and works of fiction we used examples of sources of the appropriate type, reflecting typologically related plots. As a result of the research, the periods of actualization of the legend about the starets-tsar are correlated with the sequence of contamination of the elements of the plot, which is reflected in the author's table. This scheme is justified by the historical events, which influenced the changes in the needs of the population for folklore stories and heroes, which influenced the processes of changes that took place in the legend as a phenomenon of folk ideas. The research allows us to assert with confidence that the contamination of "deliverer's" and hagiographic elements of the plot about the starets-tsar occurred according to the laws of folklore legend and relates to the activity of the Tomsk circle of Fyodor Kuzmich's admirers. Folklore contamination allowed this phenomenon of folk representations to enter the national literature. Thus, the prospect of the study is to establish the connection between the elements of the plot about the starets-tsar, actualized in the fiction, with the historical circumstances of the period when the works were written.

Keywords: folk ideas, modernization transition, "Great reforms" of 1860s, history of mentalities, social-utopian legends, folkloristics.

REFERENCES

1. *Andreeva E. A.* Mentalnost gorodskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [The mentality of the urban population of Western Siberia in the late 19 – early 20 centuries]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]: 07.00.02. Tomsk, [n. a.], 2009, 28 p. (In Russian).
2. *Bunin I. A.* Okayannyye dni [Cursed days]. Moscow, "Molodaya gvardiya" Publ., 1991, 335 p. (In Russian).

3. *Dyakov D. V.* Spetsifika kontaminatsii i khronologii folklornogo tsikla [Specificity of contamination and chronology of the folklore cycle]. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Filologiya [Bulletin of the Karaganda University. Series Philology], 2020, no. 1(97), pp. 63–70. (In Russian).
4. Zhitiye prepodobnogo skhiigumena Antoniia Optinskogo. 1795–1865 [Hagiography of the monk Schema-Abbot Anthony of Optina]. Kozelsk, “Vvedenskoii Optinoi pustyni” Publ., 1992, 221 [2] p. (In Russian).
5. *Zakharov E. Z.* Skazaniye o zhizni i podvigakh velikogo raba bozhiya startsa Feodora Kuzmicha, podvizavshegosya v predelakh Tomskoy gubernii s 1837 goda po 1864 god [The legend of the life and feats of the great slave of God, staret Fyodor Kuzmich, who worked within the Tomsk province from 1837 to 1864]. Saint-Petersburg, “Dom prizreniya maloletnikh bednykh” Publ., 1892, 54 p. (In Russian).
6. *Zueva T. V., Kirdan B. P.* Russkiy folklor [Russian folklore]. Moscow, “Flint”: “Nauka” Publ., 2003, 400 p. (In Russian).
7. *Ivanov N. N.* Tipologiya folklornykh tekstov ob imperatore Aleksandre I i Napoleone Bonaparte [Typology of folklore texts about Emperor Alexander I and Napoleon Bonaparte]. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2012, no. 3, pp. 198–201. (In Russian).
8. *Klein L. S.* Rasshifrovannaya «Iliada» [The Decoded Iliad]. St. Petersburg, “Amfora” Publ., 2014, 576 p. (In Russian).
9. *Mironov B. N.* Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v). [Social history of Russia in the period of empire (XVIII – early XX centuries)]: in 2 v. V. 1. St. Petersburg, “Dmitry Bulanin”, 2000, 548 p. (In Russian).
10. *Mordovtsev D. L.* Sobraniye sochineniy. Odin iz Lzhe-Konstantinov. Istoricheskiye ocherki [One of the False Constantines. Historical Essays]. V. 19. Van'ka Cain. St. Petersburg, “V. S. Balashev and Co” Publ., 1901, 111 p. (In Russian).
11. Prepodobnyy Amvrosiy Optinskiy: Zhizn i tvoreniya [Reverend Ambrose of Optina: Life and Creations]. Ed. by Abbot Andronik (Trubachev). Spaso-Preobrazhenskiy Monastery of Valaam, Sortavala, 1993, 221 p. (In Russian).
12. *Propp V. Y.* Istoricheskiye korni volshebnoy skazki [The historical roots of the wonder tale]. St. Petersburg, “Peter” Publ., 1946–(#ecopocket) 2021, 570 p. (In Russian).
13. *Propp V. Y.* Morfologiya «volshebnoy» skazki. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki [Morphology of the tale. Historical roots of the magic tale]. Moscow, “Labyrinth” Publ., 1998, 512 p. (In Russian).
14. *Usenko O. G.* Psikhologiya sotsialnogo protesta v Rossii XVII–XVIII vv. [Psychology of social protest in Russia 17–18 centuries]. Posobiye dlya uchiteley istorii sredney shkoly. Chast 3 [A manual for secondary school history teachers. Part 3]. Tver, Tver State University Press, 1997, 92 p. (In Russian).
15. *Khromov S. F.* Kratkoye zhizneopisaniye velikago startsa Feodora Kozmicha. Iz vospominaniy kuptsa Semena Feofanovicha Khromova [Profile of the great staret Fzodor Kuzmich. From the memoirs of the merchant Simeon Feofanovich Khromov]. Tomsk, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering Press, 2015, 251 p. (In Russian).
16. *Cheshev V. V.* Mentalnost russkoy krestianskoy obshchiny [The mentality of the Russian peasant community]: (po «Pismam iz derevni» A. N. Engelgardta) [according to the “Letters from the Village” by A. N. Engelhardt]. Tomsk, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering Press, 2014, 88 p. (In Russian).
17. *Chistov K. V.* Russkiye narodnyye sotsialno-utopicheskiye legendy [Russian folk socio-utopian legends]. Moscow, “Nauka”, 1967, 342 p. (In Russian).

Received 10.05.2023

Putilin M.S., postgraduate student of the Faculty of Historical and Political Sciences
National Research Tomsk State University
Prosp. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: mish.put.1997@gmail.com